

Научная статья

УДК 021.8:001.9(47+57)(091)«192/193»

<https://doi.org/10.20913/2618-7515-2024-2-71-79>

Советская библиотечная политика по организации взаимодействия науки и общества в 1920–1930-х гг.

Soviet Library Policy on the Organization of Interaction between Science and Society in the 1920s–1930s

© **Плешкевич Евгений Александрович**

доктор педагогических наук, доцент,
главный научный сотрудник, Государственная
публичная научно-техническая библиотека
Сибирского отделения Российской
академии наук (ГПНТБ СО РАН),
ул. Восход, 15, Новосибирск, 630102, Россия
ORCID: 0000-0002-8781-7384
e-mail: eap1609eap@mail.ru

Pleshkevich Evgeny Alexandrovich

Doctor of Pedagogical Sciences, Chief Researcher
of the Laboratory of Information and System Analysis,
State Public Scientific Technological Library
of the Siberian Branch of the Russian Academy
of Sciences (SPSTL SB RAS),
15 Voskhod St., Novosibirsk, 630102, Russia
ORCID: 0000-0002-8781-7384
e-mail: eap1609eap@mail.ru

Целью статьи является критический анализ исторического опыта по формированию просветительской советской государственной библиотечной политики в 1920–1930-х гг. и определение возможностей его современного использования. Показано, что основу этой политики составили взгляды на науку и ее популяризацию отечественных революционных демократов, а также идеи В. И. Ленина о политическом воспитании рабочего класса и развитии его политического сознания. Отмечено, что библиотечная просветительская политика начала складываться в рамках просветительской концепции библиотечного дела как одной из форм внешкольного образования и политической пропаганды в конце XIX – начале XX в., однако политические и организационные условия для ее реализации сложились только в советское время. Основным мотивом формирования советской просветительской политики стала необходимость подготовки рабочих и крестьян к участию в государственном управлении по всей вертикали власти, борьба с церковью, а также повышение технической и сельскохозяйственной грамотности рабочих и крестьян. Базовой формой взаимодействия стала пропаганда как наиболее концентрированное выражение политического, научного и технического просвещения. Раскрыты политические и педагогические принципы этой политики и сделаны выводы о перспективности использования опыта тех лет при формировании современной библиотечной политики по организации взаимодействия науки и общества. Проанализированы основные достижения и недостатки. Опыт 1920–1930-х гг. показывает, что такая политика станет успешной при реализации следующих условий: 1) библиотечная политика в этом направлении будет

The purpose of the article is a critical analysis of the historical experience of forming the educational Soviet state library policy in the 1920s and 1930s and determination of the possibilities of its modern use. It is shown that the basis of this policy were the views of the domestic revolutionary democrats on science and its popularization, as well as V. I. Lenin's ideas about the political education of the working class and the development of its political consciousness. It is noted that the library educational policy began to be formed within the framework of the educational concept of librarianship as a form of extracurricular education and political propaganda in the late XIX – early XX century, however, the political and organizational conditions for its implementation developed only in Soviet times. The main motive for the formation of the Soviet educational policy was the need to prepare workers and peasants for participation in public administration throughout the power vertical, the fight against the church, as well as improving workers and peasants' technical and agricultural literacy. Propaganda became the main form of interaction as the most concentrated expression of political, scientific and technical education. These political and pedagogical principles are disclosed and conclusions are drawn about the prospects of using the experience of those years when forming modern library policy on the organization of interaction between science and society. The main achievements and shortcomings are analyzed. The experience of the 1920s and 1930s shows that such policy will become successful if keeping to the following conditions: 1) the library policy in this direction being an integral part of the national educational and scientific policy; 2) the organized management of educational and scientific reading; 3) library impact should have an active character;

составной частью общегосударственной просветительской и научной политики; 2) будет организовано управление просветительским и научным чтением; 3) библиотечное воздействие должно носить активный характер; 4) принципы современной просветительской библиотечной политики модернизируются с учетом достижений педагогической науки в области просветительства, социологии чтения, информационной культуры и популяризации науки.

Ключевые слова: история библиотечного дела, коммуникация, наука, общество, библиотекостроение, научно-техническая пропаганда

Для цитирования: Плешкевич Е. А. Советская библиотечная политика по организации взаимодействия науки и общества в 1920–1930-х гг. // Труды ГПНТБ СО РАН. 2024. № 2. С. 71–79. <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2024-2-71-79>

Введение

Проблематика взаимодействия науки и общества сегодня привлекает все больше внимания со стороны различных ученых, которые считают, что одним из условий его успешности является рационализация каналов коммуникации [1, с. 143]. Одним из социальных институтов, реализующих это условие, традиционно выступали библиотеки, участвующие в формировании научного мировоззрения, содействующие научно-техническому прогрессу и продвижению достижений науки и техники. Однако после 1990-х гг. ситуация начала меняться: произошло разгосударствление библиотечного дела, сокращение финансирования и комплектования библиотек, устаревание и «кислотение» библиотечного фонда. Вкупе с развитием новых информационно-телекоммуникационных технологий это привело к снижению числа читателей. В 2008 г., по данным социологов, библиотеками не пользовались более двух третей населения [2, с. 63].

В настоящее время появились признаки улучшения ситуации. Приняты «Стратегия развития библиотечного дела в РФ на период до 2030 года», направленная на модернизацию библиотечного дела как неотъемлемой части информационного общества, информационного пространства знаний и системы национальной безопасности¹, и «Программа популяризации научной, научно-технической и инновационной

4) principles of modern educational library policy are modernized taking into account the achievements of pedagogical science in the field of enlightenment, sociology of reading, information culture and popularization of science.

Keywords: history of librarianship, communication, science, society, library science, scientific and technical propaganda

Citation: Pleshkevich E. A. Soviet Library Policy on the Organization of Interaction between Science and Society in the 1920s–1930s // Proceedings of SPSTL SB RAS. 2024. No. 2. P. 71–79. <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2024-2-71-79>

деятельности»². Откликаясь на принятие этих документов, ученые ГПНТБ СО РАН выразили робкую надежду на возвращение библиотек в процессы организации коммуникации науки и общества [3].

Ранее мы охарактеризовали советскую библиотечную систему как государственно ориентированную и просветительскую [4; 5]. Во время ее функционирования был накоплен значительный опыт по организации взаимодействия науки и общества. Исходя из этого целью статьи стали критический анализ исторического опыта по формированию просветительской советской государственной библиотечной политики в 1920–1930-х гг. и определение возможностей его современного использования.

Теоретико-методологические предпосылки просветительской политики

Основу просветительской политики распространения научных знаний составили взгляды отечественных революционных демократов А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева и Н. А. Добролюбова. Стремясь найти в естествознании источник передовых общественных идей, они пошли по пути активной идеологизации этой системы наук, извлекая и разрабатывая ее философско-мировоззренческое ядро, переводя знания

¹ Стратегия развития библиотечного дела в Российской Федерации на период до 2030 года : утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 13 марта 2021 г. № 608-р // Правительство Российской Федерации : сайт. URL: <http://static.government.ru/media/files/NFWPpXpAAAEbPW60HiZiDvdZZ8AcSNuu.pdf> (дата обращения: 28.08.2023).

² Программа популяризации научной, научно-технической и инновационной деятельности : утв. Минэкономразвития России 24 июня 2017 г. № 1325-р // КонсультантПлюс : справ. правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_317772/ (дата обращения: 28.08.2023).

в убеждения, связанные с интересами текущей общественной борьбы. Демократы настойчиво соединяли агитационно-мировоззренческие задачи с задачами конкретно-научного самообразования. В итоге политическая направленность популяризации науки привела к ее трансформации в пропаганду как коммуникативную практику, ориентированную на массовое сознание и на формирование отношения, мнения и поведения.

Термин «пропаганда» латинского происхождения. В XVII в. его начинают использовать в христианстве, обозначая распространение веры среди язычников. Помимо религиозной сферы, это понятие стали активно применять и в политической деятельности. В работе «Что делать?» (1902) В. И. Ленин отмечал, что социал-демократического сознания у рабочих нет, и его не могло быть, и что оно может быть привнесено только извне социал-демократической интеллигенцией [6, т. 6, с. 30]. Коммуникативным средством формирования такого сознания были объявлены агитация и пропаганда. По мнению В. И. Ленина, они должны направляться на политическое воспитание рабочего класса и развитие его политического сознания [6, т. 6, с. 56]. Существенная роль в этом отводилась средствам печати, прежде всего газетам и революционно-демократическим библиотекам, обеспечивающим их массовое распространение и управляемое чтение. В 1905 г. Лениным был сформулирован принцип партийности литературы, согласно которому библиотеки, наряду с типографиями и книжными магазинами, должны стать партийными. В отечественной литературе традиционно партийный принцип трактовался как подчинение литературного дела партийным органам. Вместе с тем этот принцип содержал посыл, направленный против коммерциализации издательского дела. Опираясь на партийный принцип литература, по мнению В. И. Ленина, будет свободной, поскольку в ее основу будут положены не корысть и карьера авторов и издателей, а идеи социализма и сочувствия трудящимся, потому что она будет служить «не пресыщенной героине, не скучающим и страдающим от ожирения “верхним десяткам тысяч”, а миллионам трудящихся» [6, т. 12, с. 104]. Подтверждение ленинской оценки коммерциализации отечественного издательского дела и его подчинения интересам буржуазии можно увидеть в публицистике Л. Н. Толстого. Книги, журналы, в особенности газеты, стали, по наблюдениям писателя, в наше время большим денежным предприятием, для успеха которого требуется наибольшее число потребителей. Интересы и вкусы такой аудитории всегда низки и грубы, и поэтому для популярности произведений печати нужно, чтобы они отвечали требованиям большего числа потребителей, то есть касались низких интересов и соответствовали грубым вкусам.

В итоге стремление к максимизации прибыли ведет к «наводнению печатной бумаги, которая уже одним своим количеством, не говоря уже о содержании, составляет огромное препятствие для просвещения» [7, т. 34, с. 274].

Советская просветительская политика распространения научных знаний 1920–1930-х гг.

В 1920-х гг. в СССР сфера пропаганды как метода воздействия на массы существенно расширяется. После победы революции к политической пропаганде добавляются производственная и сельскохозяйственная, а затем (в 1930-х гг.) еще и техническая. Производственная была направлена на формирование не только определенного отношения населения к индустриализации и коллективизации, но и устойчивых убеждений в достижимости поставленных целей. Наиболее ярко эти черты проявились при создании плана ГОЭЛРО. В докладе на VIII Всероссийском электротехническом съезде отмечалось, что «пропагандируя электрификацию, мы, прежде всего, стремимся возбудить в массах волю к напряженной борьбе за раскрепощение труда, за создание своего светлого будущего» [8, с. 16]. Иными словами, пропаганда должна включать передачу знаний и напряженную волю к действию. Причем второе иногда даже важнее первого. Один из авторов советской стратегии экономического роста, реализованной в годы первых пятилеток, экономист Г. А. Фельдман (1884–1958) писал: «Мало того, что мы внушим убеждения и дадим знание пользы и значение электрификации, мы должны добиться, чтобы каждый местный работник мог сказать: “хорошо, трудно, но осуществимо”» [9, с. 45].

Одним из инструментов пропаганды выступала популяризация, представляющая собой изложение политических и иных идей в общедоступной форме. В уже указанной нами статье Г. А. Фельдман утверждает: «Необходимо самым энергичным образом популяризировать идею электрификации среди рабочих и крестьянских масс, стремясь заинтересовать их непосредственными практическими результатами» [9, с. 64]. В рецензии на книгу И. И. Степанова «Электрификация СССР в связи с переходной фазой мирового хозяйства» В. И. Ленин особо отмечал, что автору удалось дать замечательно удачное изложение труднейших и важнейших вопросов и что эта книга написана не для интеллигенции, а для трудящихся, настоящей массы народа, рядовых рабочих и крестьян [6, т. 45, с. 51–52].

Таким образом, в основу советской просветительской политики была положена пропаганда, направленная на формирование коммунистических, естественно-научных убеждений и веры

в возможности построения коммунистического общества и продуцирующая волю к определенным действиям³. Одним из ее инструментов выступала популяризация.

Формирование советской просветительской библиотечной политики в области взаимодействия науки и общества

Библиотечная просветительская политика, включая организацию взаимодействия науки и общества, начала формироваться в рамках просветительской концепции библиотечного дела как одной из форм внешкольного образования и политической пропаганды. Ее концептуальные основы стали разрабатываться в конце XIX – начале XX в., однако отсутствие соответствующих условий для практической реализации сдерживали ее разработку и использование. Так, большинство населения Российской империи, а именно 72 %, не считая детей до 9 лет, по данным на 1897 г., было неграмотным [10, с. 22]. Научная журналистика и популяризация науки находились в стадии становления. Книгоиздательские, книготорговые организации и сами библиотеки действовали в условиях рыночной экономики, ориентируясь на спрос со стороны обеспеченной, но достаточно узкой прослойки населения. В итоге библиотечное дело, особенно в части публичных губернских и уездных библиотек, развивалось в рамках книжного дела, обеспечивая преимущественно «прокат» книг и выполняя посредническую функцию между книгоиздательскими учреждениями и населением. Экономическую основу таких библиотек составляла так называемая подписка читателей, представлявшая собой плату за пользование библиотекой либо пожертвования отдельных лиц. Коммерческий интерес, связанный с извлечением прибыли, предопределял содержание библиотечной деятельности и ее ориентацию на обеспеченных в финансовом отношении читателей. Просветительская деятельность этих библиотек, за исключением вузовских, научных и революционно-демократических, была частной инициативой отдельных лиц, носила локальный характер, ограничиваясь преимущественно нраво-учительным и патриотическим воспитанием и не выходила за пределы составления рекомендательных каталогов для чтения. В «Руководстве для устройства и содержания в порядке общественных, земских, школьных и частных библиотек» (1912) отмечалось, что библиотекарь – это посредник между книгой и читателем, что он не имеет ни оснований, ни нравственного права считать

себя учителем жизни и что библиотека должна быть лавочкой, которая ориентируется на спрос читателя [11, с. 55, 69].

Условия для полноценного развития просветительской деятельности стали складываться только в советское время. Они были обусловлены переходом от капитализма к социализму и включали не только национализацию средств производства и появление плановой экономики, но и передачу управления страной на всех уровнях в руки рабочего класса. Выступая на VIII съезде РКП в марте 1919 г., В. И. Ленин констатировал низкий культурный уровень трудящихся, сдерживающий их вовлечение в управление государством [6, т. 38, с. 170–171]. В итоге преодоление, по его выражению, «недостаточной культурности масс» [6, т. 38, с. 171] путем их просвещения было объявлено политической задачей. Политический лозунг «просвещение – это путь к коммунизму»⁴ был положен в основу всей политико-идеологической и культурно-просветительской работы. Особая роль в этом отводилась внешкольным учреждениям, включая библиотеки.

Организационные условия советского библиотечного строительства достаточно хорошо изучены [12; 13], что позволяет нам ограничиться их перечислением. К ним мы относим огосударствление и централизацию библиотечного дела, его передачу в ведение Наркомпроса⁵, создание системы библиотечного образования, складывание советской и партийной системы управления культурно-просветительской библиотечной деятельностью.

Основные контуры советской библиотечной политики по организации взаимодействия науки и общества начали обозначаться в 1920-х гг. Во вступительной речи к участникам Первого Всероссийского библиотечного съезда (1924) заместитель наркома просвещения РСФСР М. Н. Покровский озвучил задачу превращения библиотек из мертвого хранилища, из своего рода архива печатного материала в культурную, двигающую и оплодотворяющую массу силу. Это предполагалось достичь посредством формирования нового типа библиотекаря – первичного просветительного работника, который бы являлся необходимым звеном, связывающим массы с наукой и техникой [14, с. 16]. В докладе «Политико-просветительная работа в стенах библиотеки» А. Я. Виленкин (1896 – после 1937 г.) отмечал: «Библиотеки должны являться органическим звеном общей цепи политпросвета и колебаться в таком же направлении и таким же темпом, которым движется вся цепь» [14, с. 99]. Таким образом, содержание советской библиотечной политики увязывалось с общегосударственной политикой.

³ В настоящее время границы термина «популяризация» расширились. К лексическому значению добавилась маркетинговая трактовка, в контексте которой под популяризацией также стали понимать стремление сделать что-нибудь широко известным. В итоге популяризацию можно рассматривать как «мягкую» форму современной пропаганды.

⁴ Лозунги // Коммунистическая революция. 1920. № 2. С. 33.

⁵ Народный комиссариат просвещения РСФСР, в 1920–1930-х гг. контролировавший всю культурно-гуманитарную сферу.

На съезде были сформулированы задачи библиотеки как политико-просветительского учреждения. К общим задачам, представленным А. Я. Вилениным, были отнесены: 1) приобщение рабочих и крестьянских масс к участию в советском и профессиональном строительстве; 2) овладение идеологией; 3) агитация и пропаганда за интенсификацию и рационализацию труда; 4) ознакомление масс с культурным наследием прошлого «под углом классовой идеологии», критический подход ко всем накопленным ценностям прошлого в капиталистическом мире, а также знакомство с умелым пользованием этим культурным наследием прошлого; 5) коммунистическое воспитание. Он отмечал, что до сих пор, раскрывая содержание последней задачи, мы рассматривали библиотеку как вспомогательное учреждение при политпросветительных учреждениях, пора начать смотреть на нее как на воспитательное учреждение [14, с. 99]. На волостные библиотеки были возложены следующие задачи: 1) сельскохозяйственная пропаганда; 2) политическое просвещение; 3) пропаганда естествознания как фундамента для ведения антирелигиозной пропаганды; 4) ознакомление и разъяснение постановлений центральных и местных органов Советской власти, в особенности касающихся деревни [14, с. 230].

Дореволюционная библиотека как посредник по распространению книг была не способна решить перечисленные задачи. Осознание этого требовало разработки новой партийно и государственно ориентированной советской модели библиотечного дела, представляющей собой государственный просветительский институт массового приобщения к чтению и самого общественно-политического, научного и производственного чтения. Это предполагало не только ликвидацию безграмотности, но и формирование высокого уровня читательских компетенций рабочих и крестьян, направленных на понимание достаточно сложных общественно-политических и научных произведений.

Принципы советской просветительской библиотечной политики

Важное место в советской просветительской библиотечной политике занимали принципы. К политическим принципам как основополагающим политическим и идеологическим началам мы относим те из них, которые были привнесены советскими и партийными органами власти и управления в библиотечное дело. Первым и наиболее значимым из них выступал принцип партийности, предполагающий марксистско-ленинский характер естественно-научного и производственного просвещения. Политическое содержание этого принципа было раскрыто В. И. Лениным в речи «Задачи союза молодежи»

на Третьем Всероссийском съезде РКСМ (1920) [6, т. 41, с. 298–318]. Ленин риторически спрашивал делегатов съезда: «Что значит учиться коммунизму?» Простое книжное усвоение того, что в книгах говорится о коммунизме, по его мнению, было бы в высшей степени неправильным. «Было бы ошибочно думать», продолжает он, «что достаточно усвоить коммунистические лозунги, выводы коммунистической науки, не усвоив той суммы знаний, последствием которых является сам коммунизм» [6, т. 41, с. 303]. Из этого следует, что советские библиотеки должны ориентироваться на организацию взаимодействия с теми науками и научными направлениями, которые объясняют природу коммунизма. А. Я. Виленин отмечал, что «мы должны твердо стать на путь выделения тех книг, за которые мы отвечаем и которые мы безбоязненно можем дать читателю, учитывая, что они могут принести взвешенный и оцененный нами политпросветительный эффект» [14, с. 102]. Одним из негативных следствий практической реализации этого принципа стало ограничение доступа к научным произведениям, противоречащим марксистско-ленинским представлениям о природе. Под запрет попали книги по генетике, кибернетике и другим научным направлениям, в первую очередь гуманитарным.

Применительно к библиотечной деятельности принцип партийности нашел отражение в работах Н. К. Крупской. Выступая в 1926 г. на экскурсии-конференции заведующих уездными центральными библиотеками, она подчеркивала, что «библиотекарь должен сделать все, чтобы помочь тому, чтобы в широких массах складывалось это революционное мировоззрение. Поэтому важно, чтобы в каждой библиотеке был особо хорошо поставлен отдел по естествознанию, по технике, по труду, формам и организации труда, по освещению общественной жизни края, его истории». Все это, по ее мнению, составляет пропагандистскую литературу [15, т. 8, с. 144–158].

Вторым политическим принципом является антирелигиозная направленность библиотечной пропаганды. На XIV Всероссийском съезде Советов (1929) особо подчеркивалось, что антирелигиозная борьба связана с распространением научных знаний в широких массах трудового народа ⁶. Она, по мнению Крупской, должна включать в себя ту же связь с производственной пропагандой и практической деятельностью: «Надо объяснять крестьянам причину явлений погоды, учить их овладевать силами природы, регулировать эти силы, использовать их, заставлять служить себе» [15, т. 8, с. 113]. Кроме того, религиозная мораль, когда человек отвечает за свои поступки перед Богом, должна замещаться коммунистической моралью, согласно которой каждый человек должен руководствоваться в своих

⁶ XIV Всероссийский съезд Советов : стеногр. отчет // Бюллетень. 1929. № 4. С. 12.

поступках общими, а не личными интересами. Антирелигиозная библиотечная пропаганда должна была носить бескомпромиссный и радикальный характер, о чем свидетельствует критика предложения А. А. Покровского о поэтапном переходе от религиозного мировоззрения через так называемое утонченное христианство к естественно-научному мировоззрению. На практике это привело к «чистке» библиотечных фондов от религиозной литературы.

К третьему политическому принципу мы относим классовый подход пропаганды, ее ориентацию на рабочий класс. Действие этого принципа особенно четко было видно в технических библиотеках. В одной из первых своих публикаций О. С. Чубарьян выступил с критикой сложившихся прежде представлений о том, что технические библиотеки предназначены для обслуживания квалифицированных кадров читателей инженерно-технических специальностей. Он особо подчеркнул, что жизнь разбила эту «теорию» и что в технические библиотеки пришли новые читатели – стахановцы, рабочие, овладевшие основами науки и техники [16, с. 25].

К педагогическим принципам мы причисляем те исходные концепции, которые были положены в основу содержания, организации и проведения просветительской деятельности советскими библиотеками. К первому из них мы относим связь библиотечного просвещения с повседневной деятельностью. В середине 1920-х гг. Я. В. Ривлин выделил в просветительской концепции библиотечного дела социально-педагогическое направление [17]. Его основу составляли положения о том, что ценность имеет не само знание, а конкретное знание закономерностей, явлений и понимание происходящего. Исходя из этого в задачи библиотек должно входить содействие в чтении и сообщении сведений, необходимых для познания причинности явлений повседневной практики и жизнедеятельности. Ориентиром в реализации этого принципа должны были стать местные особенности и запросы населения. Как отмечала Н. К. Крупская, «необходимо как можно больше ориентироваться на то, чем живет население в данную минуту, чем оно интересуется» [15, т. 8, с. 186]. В другой своей публикации она выступила с предложением создания на предприятиях с участием библиотек «вводных производственных курсов». Даже если рабочий, пишет она, занят мытьем бутылок, все же важно, чтобы он получил представление о том, что такое химия и что она может дать сельскому хозяйству и промышленности [15, т. 8, с. 272]. Для этого в заводской библиотеке должны быть составлены рекомендательные списки, рассчитанные на разный уровень подготовки, организованы совместные читки книг и т. д.

Вторым педагогическим принципом выступал активный подход к библиотечному просвещению.

Во внутренней работе библиотеки этот подход включал руководство чтением, в том числе через выставки и конкурсы. Один из таких конкурсов был проведен библиотекой кузнечного цеха Златоустовского механического завода. Рабочие – участники конкурса – не ограничились только чтением книг по специальности. Чтобы лучше усвоить состав металла, что требовалось по условиям конкурса, они посещали даже специальную лабораторию [18]. Внешней формой активного подхода стала организация библиотечного обслуживания за пределами библиотеки: «библиотечный поход» (1929–1931), создание библиотечного актива в организациях и на предприятиях, читательские конференции, шефство научно-технических библиотек над промышленными предприятиями. Автор заметки, посвященной десятилетию библиотеки завода «Каучук», подчеркивает, что в корне изменился метод обслуживания читателей [19]: «Теперь библиотека не ждет читателя, как в первые годы. Курс взят на приближение книги к производству, к массам рабочих; в цехах, лаборатории и в отделах выделены справочные библиотеки. Около 100 читателей систематически получали к рабочему месту интересующие их журналы, номер за номером, что помогло им по-настоящему использовать эти журналы, которые раньше оставались не прочитанными» [19, с. 30].

Заключение

Первые оценки советской государственной библиотечной политики 1920–1930-х гг. были даны еще в советское время. Характеризуя ее положительно, К. И. Абрамов традиционно ссылаясь на рост библиотечной сети, библиотечного фонда, количества читателей, на новый более высокий статус советской библиотеки в системе просвещения и пропаганды [12, с. 258–259]. После 1990 г. К. И. Абрамов кардинально изменил свою оценку итогов развития, назвав период 1920–1930-х гг. «книжным геноцидом» [19]. Однако теоретико-методологический анализ обновленной оценки говорит о ее противоречии историческим фактам и несостоятельности [21–22]. За достаточно короткий исторический срок в стране, три четверти населения которой в конце XIX столетия не умели читать и писать, перенесшей три революции и несколько войн, включая гражданскую, к 1930-м гг. сформировалось первое всесоюзное поколение читателей – людей, которые не только умели складывать слова, но и обладали навыком чтения художественной литературы, представляющей собой «большие» тексты [23, с. 8]. И, безусловно, это заслуга не только системы образования, но и библиотек.

Каков был уровень читательских компетенций первого поколения советских читателей, сказать сложно. Этот вопрос еще ждет своего пытливого

исследования, однако уже сейчас имеется ряд примеров, иллюстрирующих его достаточно высокий уровень. Автор заметки «Писатели и читатели» Ш. Наталин отмечает: не так давно французский писатель Р. Роллан (1866–1944) писал, что громадное большинство читателей на Западе остановились на первых трех книгах (частях) его десяти томного романа «Жан Кристоф» [24]. «В то же самое время, по наблюдению библиотечарей заводских библиотек текстильной мануфактуры “Трехгорка” (Москва) и Московского тормозного завода, их читатели дочитывают “Жана Кристофа” и роман “Очарованная душа” (состоит из 4 книг) до конца, терпеливо ожидая очередную книгу. У наших читателей большая потребность в литературе, отражающей все многообразие жизни, в литературе большой мысли и увлекательной формы» [24]. Иллюстрируя этот тезис, он отмечает, что «Занимательная физика» Я. И. Перельмана читается наравне с историческим романом А. С. Новикова-Прибоя «Цусима» и что среди читателей нарасхват идет даже «Занимательная метеорология» [24, с. 69]. При этом спросом пользовалась и более серьезная научно-производственная литература. Как указано в заметке о технической библиотеке завода «Каучук», «благодаря помощи библиотеки рабочие становились квалифицированными резчиками, бывший фабрично-заводской ученик стал инженером, неопытный рабочий – начальником цеха, студент – директором завода. Они росли вместе с библиотекой, будучи ее читателями» [19, с. 30].

Все это в совокупности свидетельствует об успешности и, что самое главное, продуктивности библиотечной политики, включающей взаимодействие общества с наукой и производством. Мы согласны с тем, что политизация библиотечной деятельности играла сдерживающую роль, деформируя научное пространство. В то же время в условиях острой классовой борьбы, в том числе и вооруженной (басмачество в Средней Азии, предвоенное повстанческое движение на Западной Украине), внутреннего противостояния, вызванного гражданской войной, политизация библиотечной деятельности была следствием этих процессов. И, на наш взгляд, не стоит преувеличивать ее негативный эффект.

Какие же выводы применительно к сегодняшнему дню мы можем извлечь из опыта тех лет?

Первый и наиболее значимый из них – это переход к общегосударственной концепции прогресса и развития страны и общества, в рамках которой библиотечное дело – это социальный просветительский институт, участвующий в ее реализации. Сегодня, как мы уже отметили, эта концепция

и соответствующая ей политика складываются. Опыт 1920–1930-х гг. показывает, что такая политика будет успешна, если подключить библиотеки к ее реализации и разработать соответствующую библиотечную политику, которая станет составной частью общегосударственной просветительской и научной политики.

Второй вывод касается управления просветительским и научным чтением. Последние десятилетия мы привыкли ассоциировать библиотеку с информационным учреждением, предоставляющим доступ к книгам и, если смотреть шире, к документам и информационным ресурсам. Опыт советского библиотечного строительства изучаемого периода показывает, что это верно лишь отчасти: продуктивное влияние на общество может оказывать только управляемое чтение специальным образом подобранных и представленных книг и ресурсов.

Третий вывод: только активное библиотечное воздействие может обеспечить просветительство и продуктивную организацию коммуникаций между наукой и обществом. Тезис о посреднической роли библиотеки в организации коммуникаций между наукой и обществом требует пересмотра [25]. Как показал опыт 1920–1930-х гг., достаточно продуктивной формой такой активности выступает научно-техническая пропаганда, популяризация достижений отечественной науки и естественно-научного мировоззрения. Мы полагаем, что сегодня пропаганда как коммуникационная форма общественного воздействия обладает существенным потенциалом. Другое дело, что нужны ее новые форматы, разработанные на основе информационно-телекоммуникационных и цифровых технологий, морально-этических норм и современных методик популяризации.

И наконец, четвертый – касается модернизации принципов современной просветительской библиотечной политики с учетом достижений педагогической науки в области просветительства, социологии чтения, информационной культуры и популяризации науки.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов, имеющих отношение к этой статье.

Статья подготовлена по плану НИР ГПНТБ СО РАН, проект «Современное состояние и тенденции развития коммуникаций российской науки с обществом», № 122040600059-7

Список литературы

1. Безвесельная З. В. Роль общественных наук в современном мире // Концептуал : сб. науч. тр. каф. Философии и истории. Москва, 2016. Вып. 2. С. 141–144.
2. Дубин Б. В., Зоркая Н. А. Чтение в России – 2008. Тенденции и проблемы. Москва : Межрегион. центр библиотечного сотрудничества, 2008. 80 с.
3. Лаврик О. Л., Курмышева Л. К. Продвижение научных знаний и точки пересечения с библиотекой // Идеи и идеалы. 2023. Т. 15, № 1, ч. 2. С. 291–311. DOI: <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2023-15.1.2-291-311>.
4. Плешкевич Е. А. К истории формирования просветительской концепции библиотечного дела // Научно-техническая информация. Серия 1, Организация и методика информационной работы. 2023. № 6. С. 33–41.
5. Плешкевич Е. А. Государственно ориентированная советская модель библиотечного обеспечения коммуникации науки и общества // Библиосфера. 2023. № 1. С. 7–13. DOI: <https://doi.org/10.20913/1815-3186-2023-1-7-13>.
6. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Москва : Госполитиздат, 1958–1965.
7. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. В 90 т. Москва : Худож. лит., 1928–1958.
8. Виноградов Ал. Пропаганда электрификации и научно-технический клуб профсоюзов (Доклад VIII-му Всероссийскому электротехническому съезду). Москва, 1921. 30 с.
9. Фельдман Г. Пропаганда электрификации // Коммунистическая революция. 1923. № 12. С. 44–64.
10. Население России в XX веке : ист. очерки. В 3 т. Т. 1: 1900–1939 / Рос. акад. наук, Отд-ние истории, Науч. совет по ист. демографии и ист. географии, Ин-т рос. истории ; отв. ред. Ю. А. Поляков, В. Б. Жиромская. Москва : РОССПЭН, 2000. 463 с.
11. Библиотечное дело: руководство для устройства и содержания в порядке общественных, земских, школьных и частных библиотек. Ч. 4. Управление: устав, инструкции, наиболее важные вопросы управления: задачи библиотеки, выписка книг, библиотечкарь и пр. / сост. В. Н. Васильевым. Санкт-Петербург ; Москва : Т-во М. О. Вольф, 1912. 143 с.
12. Абрамов К. И. История библиотечного дела в СССР. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Книга, 1980. 352 с.
13. Глазков М. Н. Государственная библиотечная политика в Советской России в контексте истории массовых библиотек (1925 – май 1941). Москва : Пашков дом, 2016. 271 с.
14. Труды Первого Библиотечного съезда РСФСР, 1–7 июля 1924 г. : избр. материалы / сост. С. А. Басов, И. Н. Качковская. Санкт-Петербург : Рос. нац. б-ка, 2015. 304 с.
15. Крупская Н. К. Педагогические сочинения. В 10 т. Москва : Изд-во Акад. пед. наук, 1957–1963.
16. Чубарьян О. Профиль комплектования библиотек тяжелой промышленности // Техническая книга. 1939. № 4. С. 24–27.
17. Ривлин Я. В. Методические течения в области истории библиотековедения (опыт социологического обзора) // Читатель и книга. Методы их изучения : сб. ст. Я. В. Ривлина, Н. А. Рубакина и Б. О. Боровича. Харьков, 1925. С. 5–36.
18. Глазков М. Н. Начало возрождения массовой библиотечной деятельности в СССР (1925–1929 гг.) //

Культура: теория и практика. 2023. Вып. 1. URL: <http://theoryofculture.ru/issues/129/1591/> (дата обращения: 10.10.2023).

19. Бухгольц В. На заводе «Каучук» // Техническая книга. 1937. № 12. С. 29–30.
20. Абрамов К. И. История библиотечного дела в России : учеб.-метод. пособие для студентов, преподавателей и библиотечкарей-практиков. В 2 ч. Москва : Либерея, 2000–2001.
21. Плешкевич Е. А. Советская библиотечная политика в исследованиях К. И. Абрамова: к 100-летию со дня рождения // Вестник культуры и искусств. 2020. № 1. С. 19–27.
22. Плешкевич Е. А. Вклад К. И. Абрамова в развитие методологии истории библиотечного дела: историческая реконструкция // Библиосфера. 2020. № 2. С. 3–13. DOI: <https://doi.org/10.20913/1815-3186-2020-2-3-13>.
23. Литовская М. А. Литература в школе и российский литературоцентризм // Филологический класс. 2013. № 3. С. 7–10.
24. Наталин Ш. Писатели и читатели // Коммунистическая революция. 1934. № 8. С. 67–70.
25. Плешакова М. А. Роль библиотеки в коммуникации науки и общества // Труды ГПНТБ СО РАН. 2022. № 2. С. 20–27. DOI: <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2022-2-20-27>.

References

1. Bezvesel'naya ZV (2016) The role of social sciences in the modern world. *Kontseptual: sb. nauch. tr. kaf. Filosofii i istorii*. Moscow, iss. 2, pp. 141–144. (In Russ.).
2. Dubin BV and Zorkaya NA (2008) Reading in Russia–2008. Trends and challenges. Moscow: Mezhrregion. tsentr bibl. sotrudnichestva. (In Russ.).
3. Lavrik OL and Kurmysheva LK (2023) Library: scientific knowledge promotion and other points of intersection. *Idey i idealy* 15 (1-2): 291–311. DOI: <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2023-15.1.2-291-311>. (In Russ.).
4. Pleshkevich EA (2023) On the history of the formation of the educational concept of librarianship. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Seriya 1, Organizatsiya i metodika informatsionnoi raboty* 6: 33–41. (In Russ.).
5. Pleshkevich EA (2023) The state-oriented Soviet model of library support for communication between science and society. *Bibliosfera* 1: 7–13. DOI: <https://doi.org/10.20913/1815-3186-2023-1-7-13>. (In Russ.).
6. Lenin VI (1958–1965) The complete works. 5th ed. Moscow: Gospolitizdat. (In Russ.).
7. Tolstoj LN (1928–1958) The complete works. In 90 vols. Moscow: Khudozh. lit. (In Russ.).
8. Vinogradov AI (1921) Promotion of electrification and the scientific and technical club of trade unions (Report to the VIII All-Russian electrotechnical congress). Moscow. (In Russ.).
9. Fel'dman G (1923) Promotion of electrification *Kommunisticheskaya revolyutsiya* 12: 44–64. (In Russ.).
10. Polyakov YuA and Zhiromskaya VB (eds) (2000) Population of Russia in the 20th century: hist. essays. In 3 vols. Vol. 1: 1900–1939. Moscow: ROSSPEN.
11. Vasil'ev VN (comp.) (1912) Librarianship: guidelines for the organization and maintenance of public, zemstvo,

school and private libraries. Pt. 4. Management: charter, instructions, the most important management issues: library tasks, book subscription, librarian, etc. Saint Petersburg, Moscow: T-vo M. O. Vol'f. (In Russ.).

12. Abramov KI (1980) The history of librarianship in the USSR. 3rd ed., rev. Moscow: Kniga. (In Russ.).

13. Glazkov MN (2016) State library policy in Soviet Russia in the context of the history of public libraries (1925 – May 1941). Moscow: Pashkov dom. (In Russ.).

14. Basov SA and Kachkovskaya IN (comps) (2015) Proceedings of the First library congress of the RSFSR, July 1–7, 1924: selected materials. Saint Petersburg: Ros. nats. b-ka. (In Russ.).

15. Krupskaya NK (1957–1963) Pedagogical essays. In 10 vols. Moscow: Izd-vo Akad. ped. nauk. (In Russ.).

16. Chubar'yan O (1939) Heavy industry library acquisition profile. *Tekhnicheskaya kniga* 4: 24–27. (In Russ.).

17. Rivlin YaV (1925) Methodological trends in the history of library science (experience of a sociological review). *Chitatel' i kniga. Metody ikh izucheniya: sb. st. Ya. V. Rivlina, N. A. Rubakina i B. O. Borovicha*. Kharkiv, pp. 5–36. (In Russ.).

18. Glazkov MN (2023) The beginning of the revival of mass library activity in the USSR (1925–1929). *Kul'tura: teoriya i praktika* 1. URL: <http://theoryofculture.ru/issues/129/1591/> (accessed 10.10.2023). (In Russ.).

19. Bukhgol'ts V (1937) At the Rubber plant. *Tekhnicheskaya kniga* 12: 29–30. (In Russ.).

20. Abramov KI (2000–2001) The history of librarianship in Russia: educational and methodological manual for students, teachers and practicing librarians. In 2 pts. Moscow: Libereya. (In Russ.).

21. Pleshkevich EA (2020) Soviet library policy in K. I. Abramov's research: on the 100th anniversary of his birth. *Vestnik kul'tury i iskusstv* 1: 19–27. (In Russ.).

22. Pleshkevich EA (2020) Contribution of K. I. Abramov to the development of the methodology of library history: historical reconstruction. *Bibliosfera* 2: 3–13. DOI: <https://doi.org/10.20913/1815-3186-2020-2-3-13>. (In Russ.).

23. Litovskaya MA (2013) Literature at school and Russian literary centrism. *Filologicheskii klass* 3: 7–10. (In Russ.).

24. Natalin Sh (1934) Writers and readers. *Kommunisticheskaya revolyutsiya* 8: 67–70. (In Russ.).

25. Pleshakova MA (2022) Library's role in the communication between science and society. *Trudy GPNTB SO RAN* 2: 20–27. DOI: <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2022-2-20-27>. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию / Received 03.03.2024

Получена после доработки / Revised 23.04.2024

Принята для публикации / Accepted 30.05.2024